

В. В. Рубан, В. Н. Урсалов

ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ НА СЕЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ БОРИСФЕНИДЫ И ОЛЬВИИ ДОГЕТСКОГО ВРЕМЕНИ*

Находки античных денежных знаков в районе распространения приольвийских аграрных поселений известны еще с прошлого столетия¹. С течением времени их количество постепенно возрастало, особенно с тех пор, когда стали проводиться более или менее систематические раскопки ольвийского окружения. В археологической литературе довольно часто появлялись упоминания о монетах, обнаруженных там на различных памятниках². Однако большинство таких сообщений было лишено какой-либо информации, разве что кроме самого факта находки монеты. В лучшем случае встречались уточнения — медная монета. Исключения из этого правила были крайне редки³.

В последние годы положение в изучении нумизматики рассматриваемой территории претерпело заметные качественные изменения. Наряду с традиционными упоминаниями о находках денежных знаков⁴ появился целый ряд работ, являющихся не только полноценными с нумизматической точки зрения изданиями монетных материалов⁵, но и затрагивающих более широкие вопросы, связанные с хронологией монетного дела и харак-

* Данная работа является значительно расширенным текстом доклада, прочитанного на авторско-читательской конференции ВДИ в 1984 г. (см. Рубан В. В., Урсалов В. Н. История денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени. — В кн.: Тезисы докладов IX Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ. М., 1984, с. 47 сл.).

¹ См. Фабрициус И. В. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Ч. 1. Киев, 1951.

² Литература до начала 70-х годов текущего столетия собрана в кн.: Wąsowicz A. Olbia pontique et son territoire. L'aménagement de l'espace. P., 1975.

³ Зограф А. Н. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке 1939 года. — МАСП, 1957, вып. 1, с. 97—101; Штительман Ф. М. Поселення біля Закислової балки (розкопки 1948—1949 рр.) — АП, 1958, т. VII, табл. 1.

⁴ Доманский Я. В., Марченко К. К. Поселение ольвийской хоры Козырка 2. — АС, 1980, вып. 21, с. 36.

⁵ Сымонович Э. А. Ольвийские монеты с Кошарского городища. — ВДИ, 1969, № 2, с. 105 сл.; Карышковский П. О. Находки античных и византийских монет в Одесской области. — В кн.: Археологические и археографические исследования на территории Южной Украины. Киев — Одесса, 1976, с. 176 сл.; Диамант Э. И. Монетные находки Кошарского городища (К вопросу о западной границе ольвийского полиса). — В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 241—249; Рубан В. В., Урсалов В. Н. Ольвийские монеты из античных сельскохозяйственных вилл Бугского лимана. — ВДИ, 1978, № 3, с. 83—87; Абикулова М. И., Пиворович В. Б. Неопубликованные находки ольвийских монет на поселениях Нижнего Днепра (По материалам Херсонского музея). — В кн.: Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1982, с. 30—32; Загинайло А. Г. Каменский клад стреловидных литых монет. — Там же, с. 20—28; Урсалов В. Н. Литая ольвийская монета, найденная на поселении Козырка II. — Там же, с. 28—30.

тером денежного обращения на отдельных этапах истории Нижнего Побужья в античную эпоху⁶.

На основании опубликованных и неизданных монет из приольвийского района, находящихся в поле зрения авторов данной работы⁷, следует констатировать, что к настоящему времени собрание денежных знаков аграрной зоны Ольвийского полиса располагает уже не десятками, а сотнями экземпляров. Таким образом, для проведения обобщающих исследований в этой области имеется уже весьма солидная источниковедческая база. Потребность же в них становится все более ощутимой, поскольку такие работы представляют не только чисто нумизматический интерес, но выходят далеко за рамки последнего.

Необходимо подчеркнуть, что в настоящей статье предпринят первый опыт систематизации и анализа всего доступного нумизматического материала сельской территории одного из античных полисов на Понте Эвксинском. В основу его методики положено картографирование синхронных серий монет и их привязка к археологическим памятникам, что дает возможность разработать периодизацию денежного обращения на территории ольвийской хоры, выявить ареал циркуляции денег на каждом конкретном историческом этапе, а также внести некоторые уточнения в периодизацию ольвийского монетного дела.

Длительное время среди исследователей нумизматики Ольвии и Нижнего Побужья не было единого мнения относительно древнейших денежных эмиссий в этом районе⁸. Определенную ясность в этот вопрос позволяют внести археологические изыскания сельских поселений, благодаря которым в последнее время удалось надежно стратифицировать находки наиболее ранних античных монет и датировать их на основании археологической хронологии⁹.

В данный момент ничто не препятствует считать древнейшими местными деньгами в Нижнем Побужье литые бронзовые поделки, имитирующие форму двухлопастных наконечников стрел, либо же листьев лавра или оливы и называемые обычно монетами-стрелками. Наибольшее их количество в виде отдельных находок или кладов сконцентрировано на Березанском поселении¹⁰. Гораздо меньшим числом они представлены на материковых поселениях. В районе Березанского лимана монеты-стрелки найдены на поселениях Викторовка I¹¹, Бейкушском¹², Большая Черно-

⁶ Рубан В. В. Археологический комплекс из поселения Чертоватое II на Бугском лимане. — В кн.: Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1981, с. 69—71; *он же*. О хронологическом соотношении литых стрело- и дельфиновидных монет на территории Нижнего Побужья. — В кн.: Нумизматика античного Причерноморья, с. 15—20.

⁷ Некоторыми сведениями о монетных находках в Нижнем Побужье мы обязаны П. О. Карышковскому, А. В. Буракову, В. И. Никитину, И. А. Снытко и С. В. Страшному.

⁸ Блаватская Т. В. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, с. 40 сл.; Скуднева В. М. Монеты-стрелки из Ольвии. — СГЭ, 1956, вып. 10, с. 39; Карышковский П. О. О надписях на ранних монетах Ольвии. — МАСП, 1962, вып. 4, с. 225; *он же*. Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э. — IV в. н. э.): Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. Л., 1969, с. 20; Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, с. 145 сл.; Граков Б. Н. Легенда о скифском царе Арианте. — В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 108.

⁹ Рубан. Археологический комплекс..., с. 71; *он же*. О хронологическом соотношении..., с. 15.

¹⁰ Граков. Ук. соч., с. 104 сл.; Лапин. Ук. соч., с. 144 сл.; *он же*. Экономическая характеристика Березанского поселения. — В кн.: Античный город. М., 1963, с. 39; Фабрициус. Ук. соч., табл. XXI, 1—2; Rau P. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Pokrowsk, 1929, taf. XIII.

¹¹ Рудык Ф. Древнее поселение Викторовка I. — МАСП, 1957, вып. 1, с. 65.

¹² Русаева А. С. Раскопки Бейкушского поселения близ Ольвии. — АИУ, 1967 г. Киев, 1968, с. 148; *она же*. Раскопки Бейкушского поселения. — АДУ 1969 г., вып. IV. Київ, 1972, с. 176; *она же*. Бейкушське поселення VI—V ст. до н. е. — В кн.: Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСР. Київ, 1972, с. 220—222.

морка II¹³ и Каборга I¹⁴. Небольшой клад стреловидных монет обнаружен в Каменской балке (бывш. Анчекрак)¹⁵. По берегам Днепровского и Бугского лиманов их находки отмечены в с. Куцуруб¹⁶, на поселении Закисова балка I¹⁷ и в Ольвии¹⁸. Таким образом, обращение монет-стрелок было ограничено довольно небольшой территорией — от низовьев Березанского лимана до устья Бугского (рис. 1).

В отличие от района распространения монет-стрелок ареал циркуляции литых анэпиграфных дельфинчиков охватывает все Нижнее Побужье (рис. 2). Пунктом максимального их средоточия было Ольвийское городище¹⁹. К западу от Ольвии находки дельфинчиков отмечены на Березани²⁰, на поселениях хоры — Викторовка I²¹, Бейкуш²², Большая Черноморка II²³, Каборга I²⁴, Очаков²⁵, Куцуруб²⁶, Петуховка I²⁷, в Марицынском некрополе²⁸, на поселениях у Закисовой²⁹ и Широкой балок³⁰. К северу от города дельфинчики обнаружены на поселениях у Чертоватой балки — Чертоватое I³¹, Чертоватое II³², Чертоватое VII³³, в районе Козырки — Козырка V³⁴, Козырка IX³⁵ и Старая Богдановка II³⁶, в том числе и на некрополе³⁷. В северной части Бугского лимана дельфинчик найден на поселении Малая Корениха I³⁸. Встречаются дельфинчики и к востоку от Ольвии, на противоположном берегу лимана — на

¹³ Ганжа А. И., Мошкова Л. В., Отрешко В. М. Раскопки архаического поселения на Березанском лимане. — АО 1977 г., М., 1978, с. 310.

¹⁴ Отрешко В. М. Западный район ольвийской периферии в позднеархаическое время. — В кн.: Новейшие открытия советских археологов. Ч. II. Киев, 1975, с. 99.

¹⁵ Загинайло. Ук. соч., с. 20—28.

¹⁶ Рубан. О хронологическом соотношении..., с. 16.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Скюднова. Ук. соч., с. 38 сл.

¹⁹ Харко Л. П. Монеты из раскопок Ольвии в 1946—1947 гг. — В кн.: Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, с. 323.

²⁰ Латин. Греческая колонизация..., с. 144.

²¹ Рудык. Ук. соч., с. 65 сл.

²² Русяева. Раскопки..., с. 146, 150; она же. Разведки и раскопки поселения близ Ольвии. — АИУ 1968 г. Киев, 1971, с. 184.

²³ Ганжа и др. Ук. соч., с. 310.

²⁴ Отрешко. Ук. соч., с. 99.

²⁵ Загинайло А. Г. К вопросу об экономических связях Западного и Северо-Западного Причерноморья в VI—V вв. до н. э. — МАСП, 1976, вып. 5, с. 73.

²⁶ Сообщение К. К. Марченко.

²⁷ Русяева А. С. Поселения Петухівка I біля Ольвії. — Археологія, 1968, т. XXI, с. 212.

²⁸ Ebert M. Ausgrabungen auf dem Gute Maritzyn, Gouv. Cherson (Südrussland). — PZ, 1913, Bd. V, Hf. 1/2, S. 34, 104 f.

²⁹ Штительман. Ук. соч., табл. I, 1.

³⁰ Рабичкин Б. М. Поселение у Широкой балки. — КСИИМК, 1951, вып. 40, с. 114—124.

³¹ Славин Л. М. Поселения ольвійської периферії біля с. Чортуватого. — Вісник КДУ, сер. іст. та філ., 1958, № 1, вип. 2, с. 145.

³² Рубан В. В., Отрешко В. М. Раскопки поселения Чертоватое II. — АО 1975 г. М., 1976, с. 387; Рубан В. В., Рычка В. М. Исследование античных памятников близ Ольвии. — АО 1976 г. М., 1977, с. 362; Рубан. Археологический комплекс..., с. 69 сл., рис. 3, 7—10.

³³ Рубан. О хронологическом соотношении..., с. 16.

³⁴ Славин Л. М. Основные итоги Ольвийской экспедиции 1954. — КСИА АН УССР, 1955, вып. 5, с. 40.

³⁵ Отрешко В. М. Раскопки раннегреческих поселений у с. Козырка. — В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Днепрпетровск, 1980, с. 103.

³⁶ Марченко К. К., Доманский Я. В., Головачева Н. В., Рубан В. В. Работа Периферийного отряда Ольвийской экспедиции. — АО 1976 г. М., 1977, с. 332; Марченко К. К., Доманский Я. В., Виноградов Ю. А., Головачева Н. В., Шауб И. Ю. Раскопки поселений античного времени в Нижнем Побужье. — АО 1977 г. М., 1978, с. 354; Марченко К. К. Работы Нижнебугской экспедиции. — АО 1982 г. М., 1983, с. 294.

³⁷ Фабрициус. Ук. соч., с. 72.

³⁸ Рубан. О хронологическом соотношении..., с. 16.

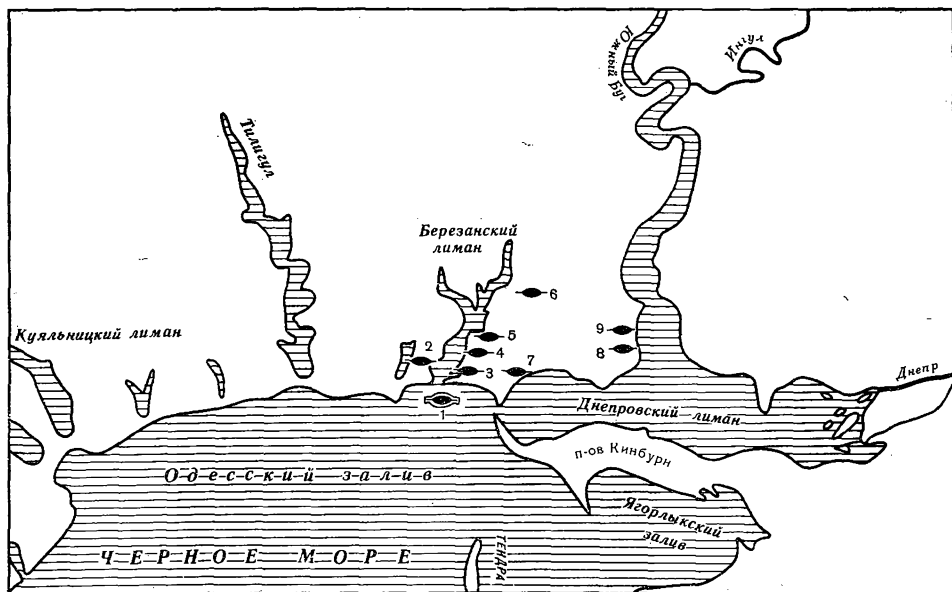

Рис. 1. Находки в Нижнем Побужье монет-стрелок: 1 — Березань, 2 — Викторовка I, 3 — Бейкуш, 4 — Большая Черноморка II, 5 — Каборга I, 6 — Каменка, 7 — Куцуруб, 8 — Закисова балка I, 9 — Ольвия

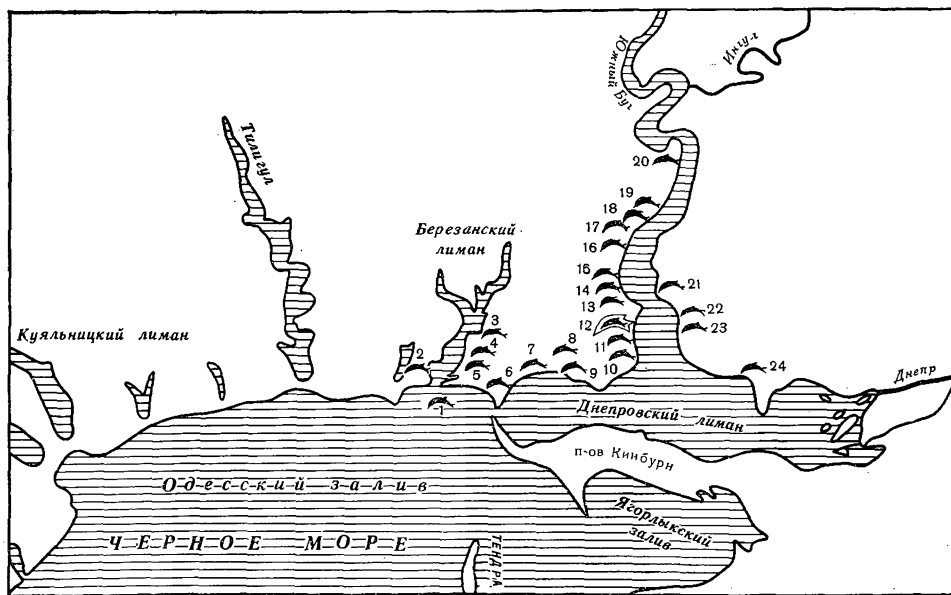

Рис. 2. Находки в Нижнем Побужье анепиграфных дельфинчиков: 1 — Березань, 2 — Викторовка, 3 — Каборга I, 4 — Большая Черноморка II, 5 — Бейкуш, 6 — Очаков, 7 — Куцуруб, 8 — Марицыно, 9 — Петуховка I, 10 — Закисова балка I, 11 — Широкая балка I, 12 — Ольвия, 13 — Чертоватое II, 14 — Чертоватое I, 15 — Чертоватое VII, 16 — Козырка IX, 17 — Козырка V, 18 — Старая Богдановка II, 19 — Старая Богдановка (некрополь), 20 — Малая Корениха I, 21 — Лиманы V, 22 — Лупарево II, 23 — Южная окраина с. Лупарево, 24 — Александровка

поселениях Лиманы V ³⁹, Лупарево II ⁴⁰, к югу от с. Лупарево ⁴¹ и в Александровке ⁴². Неоднократно дельфинчики находили и к югу от Днепровского лимана, на Кинбурнском полуострове ⁴³.

Таким образом, картографирование находок монет-стрелок и дельфинчиков со всей очевидностью демонстрирует, что ареалы их циркуляции в Нижнем Побужье не совпадают. Поскольку предположение о существовании на территории одного полиса двух синхронных денежных систем, одна из которых предназначалась бы для обращения в каком-либо узко ограниченном его районе, невероятно, то объяснение имеющемуся факту следует искать в другом.

Если обратиться к составу кладов рассматриваемых монет, то нетрудно убедиться, что в последних не зарегистрировано совместных находок монет-стрелок и дельфинчиков. В Нижнем Побужье пока известны клады, содержащие лишь один вид указанных денежных знаков — либо монеты-стрелки, либо дельфинчики. К первой группе относятся находки на Березани ⁴⁴ и в Каменке ⁴⁵. Ко второй группе принадлежат клады из Козырки V ⁴⁶, Большой Черноморки II ⁴⁷, Христофоровки ⁴⁸, Березани ⁴⁹ и Ольвии ⁵⁰. Из этого напрашивается вывод о диахронности эмиссий стреловидных и дельфиновидных монет.

В самом деле, если обратиться к хронологии античных сельских поселений Нижнего Побужья, на которых найдены монеты-стрелки и дельфинчики, то нетрудно заметить, что ареал обращения стреловидных денежных знаков в точности совпадает с областью распространения тех памятников, которые существовали в первой половине VI в. до н. э.⁵¹ С другой стороны, полное отсутствие монет-стрелок и в то же время множество находок монет-рыбок на тех поселениях, которые возникли после середины VI в. до н. э., должно рассматриваться как свидетельство в пользу того, что к указанному моменту в Нижнем Побужье обращение монет-стрелок прекратилось, а на смену последним пришли многочисленные серии дельфинчиков ⁵². Следовательно, монеты-стрелки должны были пребывать в обращении между 647/646 гг. до н. э. (время появления эллинов в Нижнем Побужье) и серединой следующего столетия. Однако если *terminus ante quem* определяется довольно надежно, то о начальной дате этого явления приходится пока говорить не столь определенно. Можно лишь отметить, что начало выпуска стреловидных монет вряд ли могло иметь место сразу же после основания Борисфениды, когда еще не существовало соответствующей экономической базы. Видимо, этот момент относится к более позднему

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² *Фабрициус*. Ук. соч., с. 106.

⁴³ *Бурачков П. О.* О местоположении древнего города Каркинитеса и монетах, ему принадлежащих. — ЗООИД, 1875, т. IX, с. 34, 36; *Буйских С. В., Островерхов А. С.* Работы на Ягорлыцком поселении. — АО 1977 г. М., 1978, с. 305.

⁴⁴ *Лалин*. Экономическая характеристика..., с. 39; *он же*. Греческая колонизация..., с. 144 сл.

⁴⁵ *Загинайло*. Каменский клад..., с. 20—28.

⁴⁶ *Славин*. Основные итоги..., с. 40; см. также *Thompson M., Mörkholm O., Kraay M. C.* An Inventory of Greek Coin Hoards. N. Y., 1973, № 992.

⁴⁷ *Ганжа и др.* Ук. соч., с. 310.

⁴⁸ *Thompson et al.* Op. cit., № 994.

⁴⁹ *Лалин В. В.* Групповая находка ольвийских дельфинов на Березани. — МАСП, 1971, вып. 7, с. 42—51; *Thompson et al.* Op. cit., № 981—983.

⁵⁰ *Ibid.*, № 984—991.

⁵¹ *Рубан В. В.* Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья. — В кн.: Материалы II Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.)». Тбилиси, 1979, с. 66 сл.

⁵² Весьма показательно в этом отношении отсутствие монет-стрелок и находки дельфинчиков в ольвийском «предградьи», возникшем не ранее второй половины VI в. до н. э. (см. *Козуб Ю. И.* Древнейшее святилище Ольвии. — В кн.: Ольвия. Киев, 1975, с. 139 сл.).

времени — примерно к последней трети VII в. до н. э., а возможно, и к началу VI в. до н. э.

С другой стороны, ареал циркуляции монет-стрелок и место их максимальной концентрации подсказывают мысль об их изготовлении на Березани, тогда как область распространения дельфинчиков, равно как и место их максимального средоточия в Ольвии, позволяют локализовать их эмиссии в последней⁵³. Впервые такая идея была высказана В. В. Лапиным. Сначала исследователь полагал возможным относить стреловидные монеты к денежной системе Ольвии или Березани⁵⁴, а затем стал склоняться к мысли о локализации их производства на Березанском поселении, аргументируя свой тезис массовостью находок на острове стреловидных монет, а также связанных с ними других предметов — свинцовой монеты-стрелки и бронзовой гири с изображением такой монеты⁵⁵. В настоящее время выводы Лапина представляется возможным подкрепить и другими данными. Если верна предлагаемая схема хронологического соотношения монет-стрелок и дельфинчиков, то Ольвия вообще должна быть исключена из числа центров Нижнего Побужья, где могли бы выпускаться стреловидные монеты, так как на месте Ольвии в первой половине VI в. до н. э. в лучшем случае существовало мелкое сельское поселение Березанской хоры⁵⁶. Судя по тем материалам, какими мы располагаем на сегодняшний день, рост Ольвии как города приходится на вторую половину указанного столетия. Таким выводам, казалось бы, противоречит факт находки монет-стрелок в самой Ольвии. Вместе с тем хорошо известно и то, что по сравнению с Березанью стреловидные монеты в Ольвии представляют большую редкость. Так, например, на несколько сот дельфинчиков из раскопок Ольвии 20-х годов текущего века приходится лишь одна монета-стрелка⁵⁷. Далее, при находках в Ольвии 2000 дельфинчиков за 1946—1947 гг. не оказалось ни одного экземпляра стреловидных монет⁵⁸. Вместе с тем на Березани мы видим соответствующие денежные знаки в совершенно иных пропорциях. Например, в 1960 г. здесь было найдено 34 дельфинчика и 19 монет-стрелок, т. е. последние составляют более половины количества дельфинчиков⁵⁹. Наиболее вероятным истолкованием находок тех редких экземпляров стреловидных монет, которые все же в Ольвии отмечены, представляется их наличие в составе имущества переселенцев из Березани, которые вряд ли могли остаться в стороне при создании нового города в устье Гипаниса⁶⁰, либо же эти монеты являются следами существования на месте Ольвии гипотетического поселения первой половины VI в. до н. э.

Выше уже приходилось отмечать находки немалого количества ольвийских бронзовых дельфинчиков, в том числе и в виде увесистых кладов, на раннеантичных поселениях хоры. При этом обращает на себя внимание тот факт, что на рассматриваемой территории обнаружено всего три дельфинчика с надписью APHXO (рис. 3) и ни одного с буквами ΘΥ, хорошо известных по находкам в Ольвии⁶¹, а также на Березани⁶². Указанные де-

⁵³ Рубан. О хронологическом соотношении..., с. 18.

⁵⁴ Лапин. Экономическая характеристика..., с. 39.

⁵⁵ Он же. Греческая колонизация..., с. 145. Еще одна гирька с изображением трех монет-стрелок найдена на Березани в 1978 г. (Копейкина Л. В. Элементы местного характера в культуре Березанского поселения архаического периода. — В кн.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1981, с. 168 сл.).

⁵⁶ Wasowicz. Op. cit., p. 54 suiv.

⁵⁷ Хранится в Николаевском музее.

⁵⁸ Харко. Ук. соч., с. 323.

⁵⁹ Лапин. Греческая колонизация..., с. 144.

⁶⁰ Виноградов Ю. Г. О политическом единстве Березани и Ольвии. — В кн.: Художественная культура и археология античного мира. М., 1976, с. 81.

⁶¹ Харко. Ук. соч., с. 329 сл.

⁶² Лапин. Групповая находка..., с. 50 сл.; Горбунова К. С. Древние греки на острове Березань. Л., 1969, с. 41

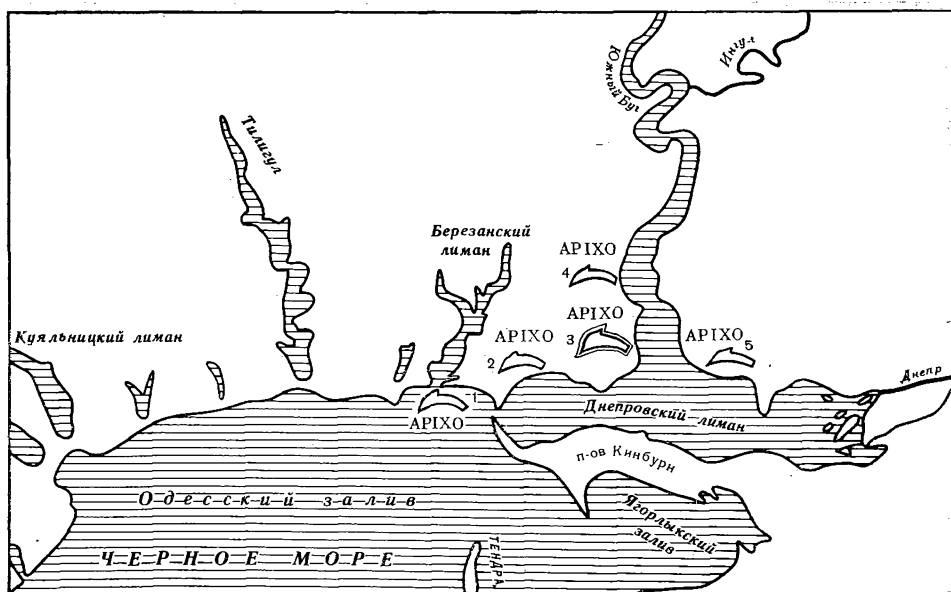

Рис. 3. Находки в Нижнем Побужье дельфинов с надписью АРІХО: 1 — Березань, 2 — Куцуруб, 3 — Ольвия, 4 — Чертоватое III, 5 — Скелька

нежные знаки известны давно и датировались исследователями по-разному. А. В. Орешников относил дельфинчики с АРІХО ко второй половине VI в. до н. э.⁶³ В. В. Лалин сужал эту дату до последних десятилетий столетия⁶⁴, а П. О. Карышковский и Л. П. Харко датировали их соответственно серединой — третьей четвертью и серединой — второй половиной следующего столетия⁶⁵. Датировка, предложенная для дельфинчиков с АРІХО Карышковским, была подкреплена находкой подобного денежного знака в мае 1981 г. на поселении Чертоватое III вместе с фрагментом стенки хиосской амфоры, содержащей известное клеймо с изображением сфинкса перед амфорой⁶⁶. Что касается дельфинчиков с надписью ΘΥ, то они, как уже отмечалось, пока вообще не найдены на поселениях ольвийской хоры, поэтому можно предположить, что они выпускались примерно во второй половине V в. до н. э., т. е. в тот период, когда сельская территория была временно не заселена.

В окрестностях Ольвии найдены литые бронзовые ассы всех известных групп, однако далеко не все они происходят из поселений — многие обнаружены на полях вдали от древних населенных пунктов (рис. 4). Первая группа с изображением Афины на лицевой стороне и надписи ΠΑΥΣ между спицами колеса на оборотной⁶⁷ представлена двумя монетами. Одна из них, среднего номинала⁶⁸, якобы в довоенные годы была найдена на поселении Дидова Хата I⁶⁹, а вторая, старшего номинала⁷⁰, случайно была обнаружена в 60-х годах на поле у с. Матвеевка⁷¹.

⁶³ Орешников А. В. Этюды по нумизматике Черноморского побережья. — ИРАИМК, 1921, вып. I, с. 222.

⁶⁴ Лалин. Групповая находка..., с. 50.

⁶⁵ Карышковский. Монетное дело..., с. 12; Харко. Ук. соч., с. 329 сл.

⁶⁶ Grace V. R. Amphoras and the Ancient Wine Trade. — Picture Books № 6. Princeton — New Jersey, 1961, fig. 48.

⁶⁷ Зограф А. Н. Античные монеты. — МИА, 1951, № 16, табл. XXX, 3—4.

⁶⁸ Там же, табл. XXX, 4.

⁶⁹ Сообщение П. О. Карышковского со слов покойного Ф. Т. Каминского.

⁷⁰ Зограф. Античные монеты, табл. XXX, 3.

⁷¹ Монета хранится в Николаевском музее.

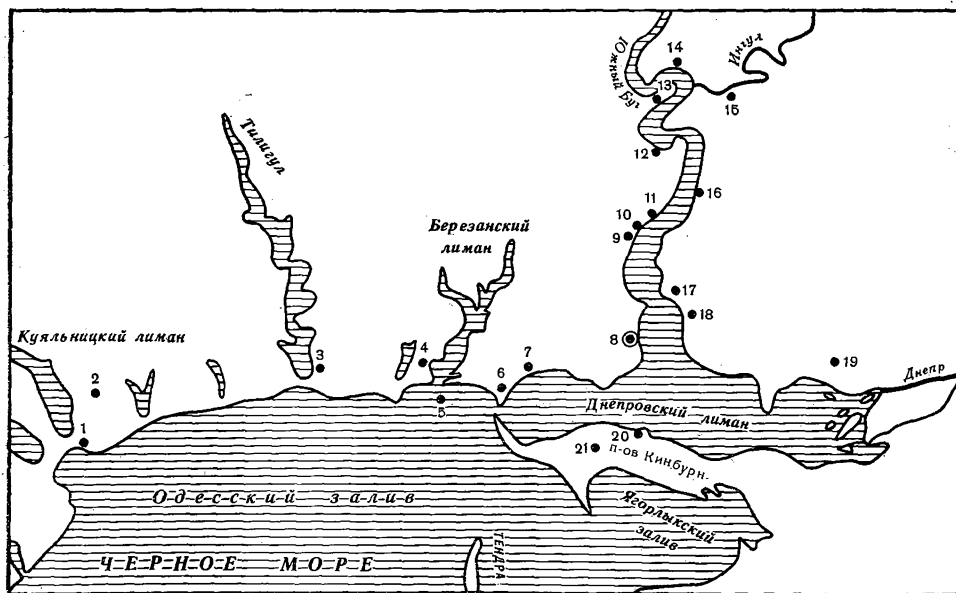

Рис. 4. Находки в Нижнем Побужье и на побережье Одесского залива литых ассов: 1 — Лузановка, 2 — Беляры, 3 — Коблево, 4 — Викторовка I, 5 — Березань, 6 — Очаков, 7 — Куцуруб, 8 — Ольвия, 9 — к северу от села Козырка, 10 — Козырка II, 11 — Старая Богдановка, 12 — Дидова Хата I, 13 — Варваровка I, 14 — Матвеевка, 15 — Погорелово, 16 — Сиверсов Маяк, 17 — Лиманы III, 18 — Кисляковка, 19 — Белозерка, 20 — Васильевка, 21 — Кинбурн

Вторая группа монет (лицевая сторона — Горгона, оборотная сторона — старший номинал: АРІХ вокруг орла на дельфине ⁷²; младший и средний номиналы: АРІХ между спицами колеса ⁷³) представлена значительно большим количеством. В 1946 г. у с. Беляры на Григорьевском лимане был обнаружен клад монет, из которых была определена лишь одна — средних размеров литая монета с АРІХ ⁷⁴. Подобная монета была найдена в 1960 г. в с. Коблево на Тилигульском лимане ⁷⁵. В 1975 г. такая же монета была обнаружена в сотне метров к западу от поселения Козырка II ⁷⁶. В 1973 г. на поселении Дидова Хата I обнаружен самый младший номинал этой серии в слое древней мусорной свалки ⁷⁷, а старший номинал — на соседнем поселении Варваровка I ⁷⁸. На левом берегу Бугского лимана зарегистрированы находки средних номиналов на поселении у Сиверсова Маяка ⁷⁹, Лиманы III ⁸⁰, Кисляковка ⁸¹ (из этого поселения происходит также младший номинал ⁸²). Согласно дореволюционным сообщениям, в Очакове был найден большой асс с Горгоной ⁸³, по-видимому, старший номинал серии

⁷² Зограф. Античные монеты, табл. XXXI, 1.

⁷³ Там же, табл. XXXI, 2—3.

⁷⁴ Карышковский. Находки античных и византийских монет..., № 21.

⁷⁵ Загинайло. К вопросу об экономических связях..., с. 75.

⁷⁶ Урсалов В. Н. Случайные находки ольвийских монет на поселении Козырка II (в печати).

⁷⁷ Монета не опубликована.

⁷⁸ Синицын С. М. Поселения в с. Варварівка за розкопками 1938 р.— Праці ОДУ, 1959, т. 149, № 7, с. 122, 130.

⁷⁹ Монета не издана.

⁸⁰ Монета хранится в Николаевском музее.

⁸¹ Ратнер И. Д. Послевоенные полевые археологические исследования Херсонского музея.— КСОГАМ за 1963 г. Одесса, 1965, с. 36 сл.

⁸² Фасмер Р. Р. Список монетных находок.— СГАИМК, 1929, вып. 2, с. 285, № 43.

⁸³ Суручан А. А. Опыт доказательства местонахождения скифского укрепления Алектора и Золотого берега Константина Багрянородного.— Тр. VI АС, т. II, с. 130.

АРИХ, а по архивным данным П. О. Бурачкова, на берегу Бугского лимана, между селами Козырка и Старая Богдановка, был обнаружен клад монет с АРИХ ⁸⁴.

Следующая серия литых монет, состоящая всего из одного номинала среднего достоинства, имеет изображение Горгоны на аверсе и орла, вцепившегося в дельфина, — на реверсе ⁸⁵. На монетах данной группы впервые появляется название города, чаще в форме ОЛВИ и реже — в более просторном начертании ОЛВИО ⁸⁶. Две монеты с последней надписью найдены при раскопках поселения в Лузановке (в составе клада, в который входили также 11 ольвийских чеканенных монет) ⁸⁷. Одна монета с надписью ОЛВИ найдена на поселении Козырка II ⁸⁸. Такая же монета находилась в составе клада, обнаруженного при земляных работах у с. Погорелово на Ингуле ⁸⁹. Две аналогичные монеты зарегистрированы также в 1981 г. при исследованиях Белозерского поселения ⁹⁰.

Последняя группа, как и предыдущая, также состоит из одного номинала, только высшего достоинства. На лицевой стороне изображена Деметра, на оборотной — орел, обращенный влево или вправо, на дельфине и надпись ОЛВИН ⁹¹. Такая монета в 1938 г. была найдена на поселении возле с. Викторовка на Березанском лимане ⁹². В 90-х годах прошлого века был обнаружен клад подобных монет в с. Куцуруб возле Очакова ⁹³. В Николаевском музее хранится асс с Деметрой из с. Варваровки, правда, без данных, когда и на каком поселении он был найден ⁹⁴. К этой же серии относится основная часть клада из Погорелово ⁹⁵. О находке подобной монеты на Кибурне упоминает П. О. Бурачков ⁹⁶. Есть также данные о находке асса с Деметрой в с. Васильевке ⁹⁷.

Вышеперечисленные ольвийские литые круглые монеты рассмотрены в той последовательности, в какой их расположили после обстоятельного типологического изучения П. О. Карышковский ⁹⁸ и Л. П. Харко ⁹⁹. Следует, однако, отметить, что хронология ассов остается пока наименее изученной в ольвийском монетном деле. И это заметно уже по тому, что датировки ранних групп пока не согласуются с фактом отсутствия соответствующих монет на поселениях архаического и позднеклассического периодов. Что касается времени выпуска ассов серии АРИХ, то датировка Карышковского 460—425 гг. до н. э. ¹⁰⁰ — представляется более предпочтительной, нежели дата Зографа — рубеж первой-второй четвертей V в. до н. э. ¹⁰¹. Однако его замечание о том, что монеты серии АРИХ могли находиться в обращении до конца столетия, а может быть и дольше ¹⁰², не лишено смысла. Действительно, находки монет данной серии на поселениях Варваровка I, Дидова Хата I и Сиверсов маяк, время возникновения которых лежит

⁸⁴ Зограф. Античные монеты, с. 124.

⁸⁵ Там же, табл. XXXI, 5.

⁸⁶ Карышковский П. И. З історії монетної справи та грошового обігу в Ольвії, 2. Ольвійські аси. — Праці ОДУ, т. 149, № 7, с. 50 сл.

⁸⁷ Зограф. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке, с. 97—101.

⁸⁸ Урсалов. Литая ольвийская монета..., с. 28 сл.

⁸⁹ Елисеев В. Ф., Елисеева А. И. Клад ольвийских «ассов» из села Погорелово. — В кн.: Актуальные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Тезисы докладов Республиканской конференции молодых ученых. Киев, 1981, с. 82.

⁹⁰ Абикулова, Пиворович. Ук. соч., с. 30.

⁹¹ Зограф. Античные монеты, табл. XXXI, 4.

⁹² Загинало. К вопросу об экономических связях..., с. 75, прим. 40.

⁹³ Гошкевич В. И. Клады и древности Херсонской губернии. Херсон, 1903, с. 60.

⁹⁴ Инв. № НА-3.

⁹⁵ Елисеев, Елисеева. Ук. соч., с. 82.

⁹⁶ Бурачков. Ук. соч., с. 34, 36.

⁹⁷ Инв. № НА-4.

⁹⁸ Карышковский. З історії..., с. 47—78.

⁹⁹ Харко. Ук. соч., с. 322—335.

¹⁰⁰ Карышковский. Монетное дело..., с. 12.

¹⁰¹ Зограф. Античные монеты, с. 123.

¹⁰² Там же.

в начале IV в. до н. э.¹⁰³, свидетельствуют о верности указанного предположения. Две последние группы ассов, имеющие по одному номиналу, датируются, по Карышковскому, первой половиной IV в. до н. э.: первая — 405—390 гг. до н. э.¹⁰⁴, вторая — 370—345 гг. до н. э.¹⁰⁵ Зограф, считавший, что за монетами с АРІХ шли ассы с Деметрой, а затем с Горгоной и названием города, склонялся к тому, что данные монеты обращались в Ольвии на протяжении всего IV в. до н. э.¹⁰⁶ Нумизматические материалы из ольвийской хоры этого не подтверждают, о чем более детально будет сказано при рассмотрении монет раннеэллинистического периода. Следует сказать, что на территории Нижнего Побужья зарегистрированы совместные находки монет двух последних групп. К последним принадлежит асс с Деметрой и две монеты типа Горгона/орел на дельфине и надписью ОΛΒΙ с Березани¹⁰⁷, а также вышеупомянутый клад из с. Погорелово на Ингуле. Совместное обращение рассматриваемых монет стало возможным после неудачной попытки выпуска в Ольвии небольшой серебряной монетки с букранием на лицевой стороне и тирсом, вокруг которого расположена надпись ОΛΒΙ — на оборотной¹⁰⁸. Карышковский отметил, что надпись на серебряных деньгах расположена так же, как и на ассах с Горгоной и городской эмблемой, а вся серия была выпущена для замены тяжелых литых монет старшего номинала¹⁰⁹.

Таким образом, нумизматические материалы с ольвийской хоры подтверждают некоторые выводы о ранее установленных датах эмиссий и обращения ольвийских литых ассов. Группа монет с АРІХ начала выпускаться около середины — третьей четверти V в. до н. э. и имела хождение до начала IV в. до н. э. В первой половине этого столетия в Ольвии приступили к отливке медных монет с Горгоной и городской эмблемой, а также к чеканке серебряных монет с букранием и тирсом. Несколько позже были выпущены ассы с Деметрой, обращение которых вместе с монетами с Горгоной не выходило за рамки первых двух третей IV в. до н. э.

На поселениях, входящих в треугольник, образованный дельтой Днепра, устьем Ингула и Одесской бухтой, отмечены неоднократные случаи находок ольвийских чеканенных монет (рис. 5). Здесь мы пока остановимся на анализе денег, обращавшихся в ольвийском полисе до осады Зоприона в 331 г. до н. э. Денежные знаки из поселений ольвийской хоры этого времени представлены двумя группами. К первой группе относятся монеты старшего номинала с изображением Деметры влево или вправо на аверсе и орла на дельфине влево или вправо — на реверсе¹¹⁰. На лицевой стороне средних номиналов такое же изображение головы Деметры, а на оборотной — дельфина и колоса¹¹¹. Младшими номиналами данной группы, по всей видимости, были мелкие монеты с изображением головы Аполлона на аверсе и дельфина и зерна на реверсе¹¹².

В районе Ильичевска на берегу Сухого лимана случайно была найдена монета старшего номинала указанной группы¹¹³. Подобная монета была

¹⁰³ Рубан В. В. Из истории приольвийских поселений Бугского лимана IV—III вв. до н. э. — В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1978, с. 65—83; *он же*. О датировке поселения Козырка II. — В кн.: Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979, с. 60—80.

¹⁰⁴ Карышковский. Монетное дело..., с. 12.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Зограф. Античные монеты, с. 124.

¹⁰⁷ Гилевич А. М. Клад «ассов» из Ольвии. — НЭ, 1972, т. X, с. 77.

¹⁰⁸ Карышковский П. О. Заметки о монетах Ольвии. — СА, 1960, № 3, с. 301—

305.

¹⁰⁹ Там же, с. 304 сл.

¹¹⁰ Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 11—13; Pick В. Die antiken Münzen von Dacien und Moesien. Hbd. 1. В., 1898, Taf. IX, 10—11.

¹¹¹ Pick. Op. cit., Taf. IX, 12, 22.

¹¹² Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 10; Pick. Op. cit., Taf. IX, 13, 14, 23.

¹¹³ Карышковский. Находки античных и византийских монет..., № 18.

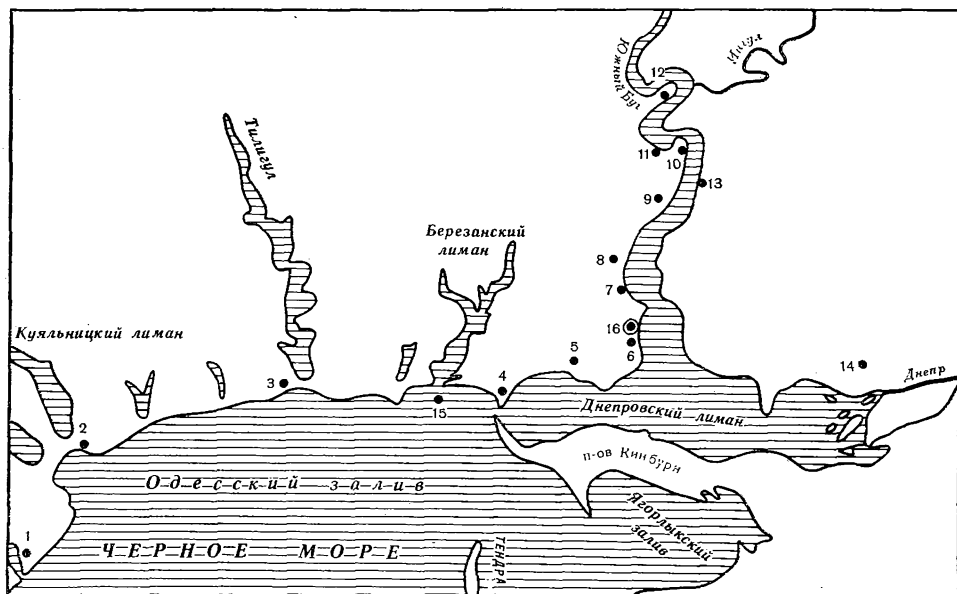

Рис. 5. Находки в Нижнем Побужье и на побережье Одесского залива ольвийских чеканенных монет первых двух третей IV в. до н. э.: 1 — Сухой лиман, 2 — Лузановка, 3 — Кошары, 4 — Очаков, 5 — Марицыно, 6 — Закисова балка I, 7 — Чертоватое I, 8 — Кателино I, 9 — Новая Богдановка I, 10 — Малая Корениха I, 11 — Дидова Хата I, 12 — Варваровка I, 13 — Сиверсов маяк, 14 — Белозерка, 15 — Березань, 16 — Ольвия

обнаружена в 1932 г. на Лузановском поселении ¹¹⁴, а в 1939 г. здесь же был найден уже упоминавшийся клад, в составе которого зарегистрировано 10 таких денежных знаков ¹¹⁵. В кладе находилась и монета среднего достоинства (Деметра вправо/дельфин и колос вправо) ¹¹⁶. Старший номинал данных монет известен из раскопок Кошарского поселения в устье Тилигульского лимана ¹¹⁷. Весьма многочисленны находки рассматриваемых монет на побережье Бугского лимана. Монета, аналогичная кошарской, происходит из поселения Закисова балка I ¹¹⁸. Три монетки младшего номинала найдены нами на поселении Чертоватое I ¹¹⁹. В 1974 г. монета старшего номинала была подобрана на распаханной поверхности поселения Кателино I ¹²⁰, а в 1967 г. такая же монета была обнаружена на поселении Новая Богдановка I ¹²¹. Подобные денежные знаки неоднократно находили на поселении Дидова Хата I ¹²². Здесь же встречались и маленькие монетки с Аполлоном ¹²³. Монета среднего номинала, аналогичная найденной в Лузановке, была случайно обнаружена в 1972 г. на поселении у Сиверсова маяка ¹²⁴, а старший номинал этой группы известен с Белозерского поселения ¹²⁵ и поселения в Станиславе на Днепровском лимане ¹²⁶.

Вторая группа монет рассматриваемого периода также состоит из нескольких номиналов. На аверсе старшего номинала изображена Деметра

¹¹⁴ Зограф. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке, с. 100.

¹¹⁵ Там же, с. 97—101, табл. I, 1—5.

¹¹⁶ Там же, с. 98, табл. I, 6.

¹¹⁷ Диамант. Монетные находки Кошарского городища, с. 241, рис. I, 1.

¹¹⁸ Штительман. Ук. соч., с. 241, рис. I, 1.

¹¹⁹ Монета не издана.

¹²⁰ Монета не издана.

¹²¹ Монета не издана.

¹²² Найдено четыре монеты (не опубликованы).

¹²³ Найдено три монеты (не опубликованы).

¹²⁴ Монета не издана.

¹²⁵ Сообщение П. О. Карышковского.

¹²⁶ Сообщение П. О. Карышковского.

влево, на реверсе — орел на дельфине влево¹²⁷. Более мелкий номинал имеет такие же изображения¹²⁸, а еще более мелкий отличается от первых двух тем, что на обороте монет помещено изображение дельфина и колеса¹²⁹. Самый младший номинал, известный Карышковскому в трех экземплярах¹³⁰, обладает таким же лицевым оформлением, как и предшествующие монеты, но на обороте изображен дельфин и две звездочки¹³¹.

На территории ольвийской хоры монет описанной группы найдено немного. По одной монете старшего номинала происходит из поселений Дидова Хата I¹³² и Сиверсов маяк¹³³. Монеты такого же типа в 1973 г. дважды зарегистрированы в находках на поселении Варваровка I¹³⁴. Одна подобная монета в 1974 г. найдена на поселении Кателино I¹³⁵. Один экземпляр происходит также из поселения Закисова балка I¹³⁶. Единственная монетка более мелкого номинала с изображением на обороте дельфина и колоска была случайно найдена в 1969 г. на поселении Дидова Хата I¹³⁷.

Рассмотренные монеты уже Б. Пиком¹³⁸ и А. Н. Зографом¹³⁹ считались древнейшими ольвийскими медными чеканенными монетами. Правда, они полагали возможным считать вторую группу более ранней¹⁴⁰. Находки монет первой группы в Лузановке¹⁴¹ и Никонии¹⁴² вместе с литыми ассами позволили Карышковскому утверждать, что, вероятнее всего, данные монеты стали первыми чеканиться в Ольвии¹⁴³. По-видимому, они пришли на смену дельфиновидным монетам, так как последние полностью отсутствуют на поселениях, возникших в начале IV в. до н. э. Карышковский, посвятивший раннему ольвийскому чекану специальное исследование, указывает конкретные даты — вторая половина первой — большая часть второй четверти IV в. до н. э.¹⁴⁴

Монеты второй группы, старший номинал которых, вероятно, заменил в обращении последние ольвийские литые ассы, выпускались в 340—330 гг. до н. э.¹⁴⁵. В Ольвии и на территории хоры они циркулировали до похода Зопириона в 331 г. до н. э., что подтверждается отсутствием последних на сельских раннеэллинистических усадьбах, возникших после указанных военных событий¹⁴⁶.

В эллинистический период на сельской территории Ольвии преобладали монеты двух серий — так называемые борисфены, имеющие изображение бородатого речного божества с рожками влево/лука в горите и саргариса¹⁴⁷, а также монеты типа: Деметра в согона *muralis*/ коленопреклоненный лучник¹⁴⁸.

¹²⁷ Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 4; *Pick. Op. cit.*, Taf. IX, 3.

¹²⁸ Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 5; *Pick. Op. cit.*, Taf. IX, 4.

¹²⁹ Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 9; *Pick. Op. cit.*, Taf. IX, 16.

¹³⁰ Карышковский П. О. Ольвийские эксагии из собрания ГИМ.— Труды ГИМ, 1977, вып. 49, н.с., ч. 5, 1. с. 113.

¹³¹ *Pick. Op. cit.*, Taf. IX, 17.

¹³² Монета не издана.

¹³³ Монета не издана.

¹³⁴ Монета не издана.

¹³⁵ Монета не издана.

¹³⁶ Штительман. Ук. соч., табл. I, 3.

¹³⁷ Монета не издана.

¹³⁸ *Pick. Op. cit.*, Taf. IX, 3—23.

¹³⁹ Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 4—13.

¹⁴⁰ Там же, табл. XXXII, 4—5, 11—13; *Pick. Op. cit.*, Taf. IX, 3—4, 10—11.

¹⁴¹ Зограф. Монеты Ольвии из раскопок в Лузановке, с. 97—101.

¹⁴² Карышковский. Заметки о монетах Ольвии, с. 305—309.

¹⁴³ Там же, с. 305—309; *он же*. Из истории монетного дела Ольвии в первой половине IV в. до н. э.— В кн.: Археологические исследования Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1980, с. 83—99.

¹⁴⁴ Там же, с. 99.

¹⁴⁵ Карышковский. Монетное дело..., с. 12 сл.

¹⁴⁶ Рубан, Урсалов. Ук. соч. с. 82—87.

¹⁴⁷ Зограф. Античные монеты, табл. XXXII, 14—22.

¹⁴⁸ Там же, табл. XXXIII, 21.

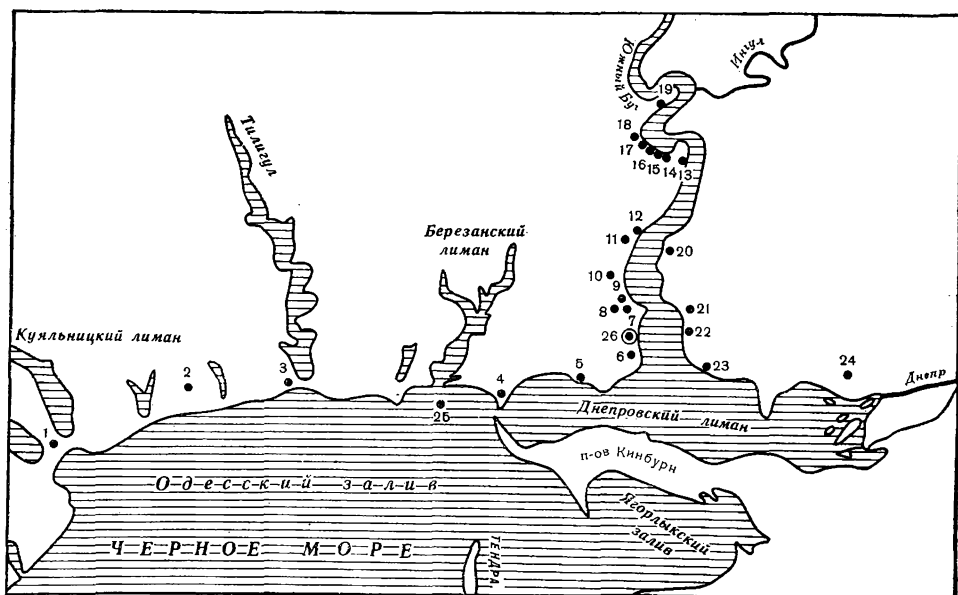

Рис. 6. Находки в Нижнем Побужье и на побережье Одесского залива борисфенов и монет с Деметрой в согопа *megalis*: 1 — Жевахова гора, 2 — Кубанка, 3 — Кошары, 4 — Очаков, 5 — Петуховка I, 6 — Захисова балка I, 7-9 — Чертоватое II (усадыбы № 1, 3, 5), 10 — Кателино I, 11 — Козырка VIII, 12 — Козырка II, 13 — Малая Корениха I, 14 — Дидова Хата (некрополь), 15 — Дидова Хата (усадыба № 3), 16 — Дидова Хата I, 17 — Дидова Хата (усадыба № 1), 18 — Дидова Хата (дачи), 19 — Варваровка I, 20 — Галицыновка, 21 — Лиманы, 22 — Лупареве, 23 — Скелька, 24 — Белозерка, 25 — Березань, 26 — Ольвия

Находки борисфенов (рис. 6) наиболее многочисленны из всех остальных групп ольвийских круглых монет на территории хоры¹⁴⁹. Борисфен с дифферентом МН или МЕ (№ 51 или 53, группа V-B, 295—275 гг. до н. э.) найден на Жеваховой горе в Одессе¹⁵⁰. Около с. Кубанки на берегу Куляницкого лимана дважды зарегистрированы находки монет, на которых не сохранились дифференты, но по характеру лицевой стороны можно определить, что это — ИК или ФІ (№ 16 или 17, группа II-C, 320—310 гг. до н. э.)¹⁵¹. На Кошарском поселении во время археологических раскопок найдено пять борисфенов. Два ранних с дифферентами I (здесь и далее см. рис. 7) (№ 4, группа I-A) и Δ (№ 9, группа I-B) датируются 330—320 гг. до н. э. Три монеты относятся к средним группам. Дифференты 2 (№ 60), 3 (№ 61) (и на одной сдвинут штемпель, так что дифферент не поместился, но по изображению она принадлежит, как и две предыдущие, к группе V-C) датируются 275—260 гг. до н. э.¹⁵² Имеются сведения о находке трех борисфенов в Очакове со следующими дифферентами: 4 (№ 10, группа I-B, 330—320 гг. до н. э.), 5 (№ 25, группа IV-A, 300—395 гг. до н. э.), 6 (№ 48—49, группа V-B, 295—275 гг. до н. э.)¹⁵³. При раскопках в 1949 г. поселения Петуховка I было найдено семь монет, но из статьи А. С. Русяевой¹⁵⁴ не ясно каких. Можно определить лишь один борисфен,

¹⁴⁹ При описании этой серии монет мы руководствуемся классификацией П. О. Карышковского (Ольвийские «борисфены». — НСФ, 1963, вып. 3, с. 62—85). В тексте в скобках указаны номер и хронологическая группа по вышеназванной схеме. О неприемлемости ревизии классификации П. О. Карышковского, предпринятой В. А. Анохивым («Борисфены» и их место в монетной системе Ольвии. — В кн.: Античная культура Северного Причерноморья. Киев, 1984, с. 3—36), будет сказано ниже.

¹⁵⁰ Карышковский. Находки античных и византийских монет..., с. 176.

¹⁵¹ Там же, с. 176 сл.

¹⁵² Сымонович. Ук. соч., с. 105, сл., рис. 1—2; Диамант. Ук. соч., с. 241—249.

¹⁵³ Сообщение П. О. Карышковского и С. В. Страшного.

¹⁵⁴ Русяева. Поселения Пiтухiвка..., с. 212.

ΑΑ	Η	Γ	Ξ	Ϛ	ϛ	ϛ
1	2	3	4	5	6	7
(№4)	(№60)	(№61)	(№10)	(№25)	(№48-49)	(№71)
⊕	Α	Ε	Γ	ΜΗ	ΑΑ	ΜΒ
8	9	10 *	11	12	13	14
(№7)	(№8)	(№21)	(№50)	(№79)	(№65)	(№84)
ΑΑ	Α	Η	ΑΡ	Ϛ		
15	16	17	18	19		
(№67)	(№27)	(№33)	(№87)	(№72)		

Рис. 7. Дифференцы на ольвийских борисфенах (в скобках даны номера по П. О. Карышковскому)

воспроизведенный фотографически, с дифференцем 7 (№ 71, группа V-C — VI, 285—260 гг. до н. э.). Семь борисфенов обнаружено в ходе раскопок поселения Закисова балка I в 1948—1949 гг.¹⁵⁵: с дифференцами 8 и 9 (№ 7, 8, группа I-B, 330—320 гг. до н. э.), 10 и 10 (№ 20, 21, группа III, 310—300 гг. до н. э.), 11 (№ 50, группа V-B, 295—275 гг. до н. э.), 3 (№ 61, группа V-C, 275—260 гг. до н. э.), 12 (№ 79, группа VIII, 260—250 гг. до н. э.). Много борисфенов найдено в районе Чертоватой балки, где находки их известны с дореволюционных времен. Еще А. С. Уваров писал, что там часто находили монеты с изображением «рогатого Пана» и этим объяснял название балки¹⁵⁶. П. О. Бурачков писал, что в соседстве с Волошской косой, т. е. в Чертоватой балке, находили монеты с «рогатым Посейдоном»¹⁵⁷. В этом районе недавно, в 70-х годах, найдено шесть борисфенов на раннеэллинистических усадьбах¹⁵⁸. На трех борисфенах дифференцы не сохранились, однако особенности изображения позволяют отнести их к средним группам. Остальные три монеты имеют следующие дифференцы: ΦΙ (№ 17, группа II-C, 320—310 гг. до н. э.), 10 (№ 21, группа III, 310—330 гг. до н. э.) и Μ (№ 47, группа V-B, 295—275 гг. до н. э.). Неоднократно борисфены встречались на поселении Кателино I. В 1973 г. здесь была найдена монета с монограммой 13 (№ 65, группа V-C—VI, 275—260 гг. до н. э.), а в 1982 г. была обнаружена монета с дифференцем 14 (№ 84, группа VIII, 260—250 гг. до н. э.). По словам местных жителей, которые неплохо ориентируются в ольвийской нумизматике, на этом поселении было найдено еще около десятка борисфенов. На поселении Козырка II отмечены четыре случайные находки борисфенов: с дифференцами ΙΚ (№ 16, группа II-C, 320—310 гг. до н. э.), ΑΡΙ (№ 31, группа IV-B, 300—295 гг. до н. э.), ΑΛ (№ 38, группа V-A, 295—275 гг. до н. э.) и 15 (№ 67, группа V-C — VI, 275—260 гг. до н. э.). Во время раскопок 1974—1977 гг. на поселении найдено восемь ольвийских монет, среди которых преобладают борисфены¹⁵⁹, однако более точные данные пока отсутствуют. В 1972 г. борисфен с сокращением ΣΩ (№ 19, группа III, 310—300 гг. до н. э.) найден на поселении Малая Корениха I. Значительное количество таких монет происходит из археологических памятников в урочище Дидова Хата. Первое упоминание о находке борисфена на поселении Дидова Хата I имеется в книге Фабрициус¹⁶⁰. Во время раскопок этого поселения

¹⁵⁵ Штительман. Ук. соч., табл. I, 4—10.

¹⁵⁶ Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря. Т. 1. СПб., 1851, с. 45.

¹⁵⁷ Бурачков П. О. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским колониям, существовавшим в древности на северном берегу Черного моря в пределах нынешней Южной России. Ч. 1. Одесса, 1884, с. 47 сл.

¹⁵⁸ Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 83 сл.

¹⁵⁹ Доманский, Марченко. Ук. соч., с. 36.

¹⁶⁰ Фабрициус. Ук. соч., с. 113.

в 1950 г. Штительман получила в дар от местных жителей также один борисфен¹⁶¹. Отсюда же происходит несколько монет рассматриваемой серии, найденных авторами этих строк. Одна из них, ранняя, с трудно определяемым дифферентом А или 16, от которого сохранилась только верхняя часть (№ 26 или 27, группа IV-A, 300—295 гг. до н. э.). Другие дифференты суть таковы: 17 (№ 33, группа IV-B, 300—295 гг. до н. э.), ΔI (№ 37, группа V-A, 295—275 гг. до н. э.), NO (№ 40, группа V-A, 295—275 гг. до н. э.), BOΣ (№ 63, группа V-C, 275—260 гг. до н. э.), ΔH (№ 74, группа VII, 260—250 гг. до н. э.), 18 (№ 87, группа X, 260—250 гг. до н. э.). На одном борисфене неясный дифферент, но, судя по изображениям, он принадлежит к средним группам. Некоторое количество борисфенов было обнаружено на сельскохозяйственных усадьбах № 1 и 3¹⁶². На усадьбе № 1 найден лишь один борисфен с надписью ΘΕΥ (№ 42, группа V-A, 295—275 гг. до н. э.), а из усадьбы № 3 происходят пять таких монет: две монеты с дифферентом BOΣ (№ 63, группа V-C, 275—260 гг. до н. э.), 19 (№ 72, группа V-C — VI, 275—260 гг. до н. э.), EΠII (№ 88, группа X, 260—250 гг. до н. э.) и на одном экземпляре дифферент отсутствует вследствие смещения штемпеля, но по изображению он относится к последним группам. Две монеты с дифферентами 9 (№ 8, группа I-B, 330—320 гг. до н. э.) и ME (№ 51, группа V-B, 295—275 гг. до н. э.) были обнаружены на некрополе, расположенном к востоку от поселения и усадеб в урочище Дидова Хата. В Николаевском музее хранятся борисфены, происходящие из поселения Варваровка I. На одном имеется дифферент Δ (№ 9, группа I-B, 330—320 гг. до н. э.), на втором — IK (№ 16, группа II-C, 320—310 гг. до н. э.), на третьем — ME (№ 51, группа V-B, 295—275 гг. до н. э.), а на последней монете надпись не сохранилась, но по типу изображения ее можно отнести к средним группам. Там же хранятся несколько монет из левобережных поселений Бугского лимана. На борисфене из Галициновки помещен дифферент Δ (№ 9, группа I-B, 330—320 гг. до н. э.), из Лиман происходит борисфен плохой сохранности, но по изображению относящийся к ранним группам, и из Лупарево — с дифферентом 9 (№ 8, группа I-B, 330—320 гг. до н. э.). Один борисфен найден также на поселении Скелька, расположенном при слиянии Бугского и Днепровского лиманов: 4 (№ 10, группа I-B, 330—320 гг. до н. э.)¹⁶³.

Другая из упомянутых серий монет представлена небольшим количеством. Один экземпляр типа: Деметра в согопа *miralis*/лучник найдена при раскопках поселения Закисова балка I¹⁶⁴. Две другие монеты происходят из сельскохозяйственной усадьбы № 1 на поселении Чертоватое II¹⁶⁵. В 1973 г. подобная монета была случайно найдена на поселении Козырка II. Наконец, четвертая монета этой серии была получена Штительман от местных жителей в 1950 г., во время раскопок поселения Дидова Хата I¹⁶⁶.

Что касается датировки рассматриваемой серии монет, то они, несомненно, одновременны борисфенам¹⁶⁷. На это указывают их находки в могилах ольвийского некрополя¹⁶⁸ и на сельскохозяйственных усадьбах хоры, существовавших в период обращения борисфенов¹⁶⁹.

¹⁶¹ Штительман Ф. М. Отчет о раскопках на городище у маяка Дидова Хата (близ Николаева) 1950 года. — Архив Института археологии АН УССР, л. 25.

¹⁶² Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 82 сл.

¹⁶³ Информация А. В. Буракова.

¹⁶⁴ Штительман. Поселения..., табл. I, 13.

¹⁶⁵ Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 84.

¹⁶⁶ Штительман. Отчет..., л. 25.

¹⁶⁷ Карышковский П. О. Из истории монетного дела Ольвии в эпоху эллинизма. — МАСП, 1962, вып. 4, с. 87—99.

¹⁶⁸ Парович М. П. Про датування ольвійських монет з изображениями голови Тіхи. — Археологія, 1957, т. XI, с. 157—159.

¹⁶⁹ Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 82—87.

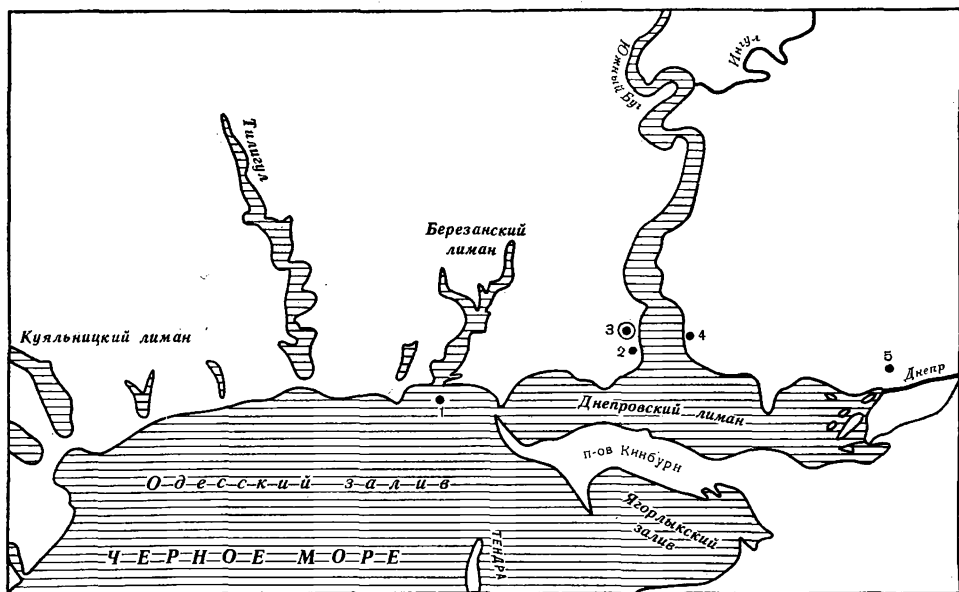

Рис. 8. Находки в Нижнем Побужье монет второй половины III — первой половины II в. до н. э.: 1 — Березань, 2 — Закисова балка I, 3 — Ольвия, 4 — Лупарево, 5 — Белозерка

Эллинистические монеты Ольвии более позднего времени представлены на территории хоры крайне незначительным количеством (рис. 8). Одна из них происходит с правого берега Бугского лимана из поселения Закисова балка I. На лицевой стороне изображена бородатая голова божества вправо с круглой надчеканкой, изображающей виноградную гроздь, на оборотной стороне помещены сагарис и горит между двух надписей ОΛΒΙΟ и ΟΙ ΕΠΤΑ¹⁷⁰. Датируется указанный экземпляр временем вскоре после 225 г. до н. э.¹⁷¹ Остальные монеты происходят из восточной части ольвийской хоры. Несколько лет назад у одного из николаевских коллекционеров удалось ознакомиться с подборкой ольвийских бронзовых монет, найденных около с. Лупарево. На одной из них имеются изображение Аполлона и надчеканка в виде виноградной кисти на аверсе, на реверсе же помещен коленопреклоненный лучник¹⁷². Эта монета относится к тому же времени, что и предыдущая¹⁷³. Вторая монета с изображением Деметры и городской эмблемы с надписью ΒΣΕ¹⁷⁴ датируется более поздним периодом — первой половиной II в. до н. э.¹⁷⁵ На Белозерском поселении среди уже упоминавшихся более ранних монет зарегистрированы борисфен с надчеканкой второй половины III в. до н. э. в виде восьмилучевой звезды и дельфина и две монеты с надписью ΒΣΕ, аналогичные найденным в Лупарево¹⁷⁶.

Для того чтобы полнее представить специфику денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени и рассмотреть некоторые спорные вопросы ольвийского монетного дела, обратимся сначала к периодизации истории указанного района, установленной археологическим путем. В основных своих чертах последняя была на-

¹⁷⁰ Штительман. Поселения..., табл. I, 12.

¹⁷¹ Карышковский П. О. Монеты ольвийской коллегии Семи. — В кн.: Художественная культура и археология античного мира, с. 110, 113, 115.

¹⁷² Зограф. Античные монеты, табл. XXXIII, 19.

¹⁷³ Карышковский. Монеты ольвийской коллегии Семи, с. 115.

¹⁷⁴ Зограф. Античные монеты, табл. XXXIII, 1—2.

¹⁷⁵ Карышковский. Монетное дело..., с. 15.

¹⁷⁶ Информация П. О. Карышковского.

мечена одним из авторов этой статьи еще в первой половине 70-х годов ¹⁷⁷, однако за истекшее десятилетие новые материалы и соображения позволили внести в нее некоторые коррективы. В соответствии с современными представлениями история сельских поселений Нижнего Побужья прошла через девять основных этапов на протяжении VII—I вв. до н. э. ¹⁷⁸

I этап (вторая половина VII в. до н. э.). После основания Борисфениды около 647/646 г. до н. э. происходит первичное размежевание земель в непосредственном окружении поселения. Постоянных сельских населенных пунктов пока не имеется. Обработка земли проводилась самими жителями Борисфениды.

II этап (первая половина VI в. до н. э.). Аграрная территория Борисфениды претерпевает значительные количественные и качественные изменения. Обрабатываемые земли появляются вдали от города, что вызывает необходимость создавать там постоянные сельские поселения. Хора становится заселенной и простирается от низовьев Березанского лимана до устья Бугского.

III этап (вторая половина VI в. до н. э.). С перенесением столицы полиса из Борисфениды в Ольвию прослеживается значительное расширение территории хоры. Рост демографического потенциала особенно заметен по таким памятникам, как Чертоватое II и VII, общая площадь которых превышает 1000 га. С этого времени сельские поселения Нижнего Побужья правомерно называть ольвийской хорой.

IV этап (первые две трети V в. до н. э.). Расширение ольвийской хоры происходит за счет появления новой серии поселений и усадеб в начале столетия. На данном этапе сельская территория Нижнего Побужья в архаический и раннеклассический периоды достигает своих максимальных размеров.

V этап (последняя треть V в. до н. э.). В третьей четверти столетия происходит прекращение жизни на всех поселениях хоры. Демографический потенциал, видимо, концентрируется в Ольвии.

VI этап (первые две трети IV в. до н. э.). В начале столетия наблюдается реколонизация прежней сельской территории Ольвии и одновременное освоение морского побережья вдоль Одесского залива до Одесской бухты включительно. Поселения прекращают свое существование в 331 г. до н. э. в результате военных действий Зошириона.

VII этап (последняя треть IV — первая половина III в. до н. э.). Разрушенные поселения хоры отстраиваются. Наряду с ними появляются многочисленные новые населенные пункты в виде усадеб. Прослеживается процесс складывания сельских агломераций. Около середины столетия большая часть поселений и усадеб хоры погибла в результате вторжения галатов.

VIII этап (вторая половина III — первая половина II в. до н. э.). Внешнеполитическая обстановка в Нижнем Побужье продолжала оставаться нестабильной и напряженной, вследствие чего большая часть погибших населенных пунктов не была вновь отстроена. На левобережных поселениях Бугского лимана до дельты Днепра заметны следы жизни, которые свидетельствуют либо о том, что на указанных памятниках жизнь в какой-то форме продолжалась еще с первой половины III в. до н. э., либо же о попытках восстановления хоры после галатских разорений.

IX этап (вторая половина II — первая половина I в. до н. э.). На территории бывшей хоры Ольвии не прослеживается никаких следов оседлой жизни. Немногочисленное население города не рисковало воз-

¹⁷⁷ Рубан В. В. О периодизации античных памятников Северо-Западного Причерноморья доримского времени. — В кн.: 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции. Киев, 1975, с. 130—132.

¹⁷⁸ Поскольку у периодизации истории сельской территории Борисфениды и Ольвии подготовлено специальное исследование, то здесь мы ограничимся изложением его результатов в самой сжатой форме.

водить дома за пределами крепостных стен и ограничивалось обработкой земли в непосредственной близости к Ольвии.

Как уже отмечалось, наиболее древними денежными знаками в Нижнем Побужье следует считать литые бронзовые монеты-стрелки, которые начали выпускаться в период между основанием Борисфениды и началом VI в. до н. э.¹⁷⁹ Чем же возможно объяснить столь раннее появление собственных денежных эмиссий в этом районе?

Прежде всего необходимо вспомнить, что для архаического периода Нижнего Побужья кроме монет-стрелок зарегистрировано наличие в одном кладе золотых ионийских монет, чеканенных в Милете или Эрифрах¹⁸⁰. Последние представляют собой одни из древнейших греческих монет вообще и составляли по тем временам весьма внушительную сумму. Нам, однако, необходимо выяснить, какова была возможность обращения таких денег в Нижнем Побужье периода его начального освоения древними греками. По многочисленным археологическим источникам можно судить о том, что уже на раннем этапе античной истории этого района здесь сложилась многоотраслевая экономика, включавшая земледелие, скотоводство, морской промысел, ремесла и многосторонние торговые связи. Неизбежным следствием развития такой хозяйственной структуры должно было быть появление внутреннего и внешнего рынков. Между тем если для внешнеторговых операций денежные расчеты в золоте вполне допустимы, то для внутренней торговли были обычными мелкие сделки, что делало невозможным применение таких «крупных сумм», подобных березанской находке 1975 г. Простой натуральный обмен при столь сложной структуре экономики был серьезным препятствием ее дальнейшего развития, тем более что в рассматриваемое время опыт товарно-денежных отношений был уже хорошо известен эллинам и они прекрасно понимали все их выгоды. Поэтому потребность в мелких разменных деньгах, каковыми считаются бронзовые монеты¹⁸¹, не могла не ощущаться в Нижнем Побужье уже в ранний период.

Здесь нет возможности обсудить весьма непростой вопрос о происхождении монетного символа ранней Березани. Следует обратить внимание на другой, с нашей точки зрения, очень важный источник по истории березанско-ольвийских государственных древностей, не привлекавший пока к себе должного внимания исследователей. Речь идет об уже упомянутых весовых гириях с изображением монет-стрелок, найденных на Березани. В связи с этим уместно вспомнить, что находки металлических весовых гирь более позднего времени нередки и в Ольвии, где они представлены кроме обычных также контрольными экземплярами¹⁸², на которых в большинстве случаев изображался дельфин. В этом изображении справедливо усматривается государственный символ Ольвии, а сам выпуск таких гирь связывается с деятельностью коллегии агораномов¹⁸³, что находит подкрепление в керамических агораномных клеймах Ольвии¹⁸⁴. Сравнимая вышеописанные источники, несложно сопоставить: деньги в форме стрелок — изображения таковых на гириях Борисфениды;

¹⁷⁹ Мы не рассматриваем здесь вопросы, связанные с распространением монет-стрелок в Западном Причерноморье, так как это составляет предмет отдельного исследования.

¹⁸⁰ *Карышковский П. О., Лапин В. В.* Денежно-вещевой клад эпохи греческой колонизации, найденный на Березани в 1975 г. — В кн.: Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979, с. 105.

¹⁸¹ *Кошеленко Г. А.* Греческий полис и проблемы развития экономики. — В кн.: Античная Греция. Т. I. М., 1983, с. 230.

¹⁸² *Крапивина В. В.* Весовые гири Ольвии. — В кн.: Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980, с. 84.

¹⁸³ *Карышковский П. И.* Про державний устрій Ольвії. — УІЖ, 1973, № 2, с. 98—101.

¹⁸⁴ *Рубан В. В.* Магістратура агораномів в Ольвії. — Археологія, 1982, № 39, с. 30—40.

деньги в форме дельфинчиков (или их изображения на круглых монетах) — воспроизведение дельфинов на магистратских гирях Ольвии. Отсюда нетрудно заключить, что по аналогии с ольвийской березанская символика свидетельствует о том, что во второй половине VII — первой половине VI в. до н. э. на Березани функционировала государственная магистратура, которая затем была перенесена в Ольвию. На протяжении последних 10 лет уже не одним исследователем высказывалась мысль о том, что Березань уже на раннем этапе была центром полиса в Нижнем Побужье, функции которого позже перешли к Ольвии. Однако делались такие выводы на основании общих соображений, в то время как описанные источники служат пока единственным документальным свидетельством в пользу отмеченных выводов. В заключение этого экскурса следует сказать, что изменения в пространственной организации греческой общины в Нижнем Побужье, наиболее значительным проявлением которых стал перенос столицы из Борисфениды в Ольвию, отмечены переходом к новой государственной символике, главное место в которой на долгое время закрепилось за изображением дельфина.

Во второй половине VI — первых двух третях V в. до н. э. на территории ольвийской хоры в обращении находились многочисленные серии литых бронзовых анэпиграфных дельфинчиков. В третьей четверти V в. до н. э. были пущены в оборот дельфинчики с надписью АΡΙΧΟ¹⁸⁵. Последние, однако, весьма малочисленны и свидетельствуют, видимо, о затухании денежной циркуляции на хоре Ольвии этого времени.

Касаясь монетного обращения на территории ольвийской хоры в IV — III вв. до н. э., нельзя обойти вниманием некоторые спорные вопросы монетного дела Ольвии этого периода, в которые можно внести ясность на основании вышеизложенной хронологии археологических памятников. Мы уже упоминали, что Зограф считал возможной циркуляцию литых ассов на протяжении всего IV в. до н. э.¹⁸⁶ Между тем анализ находок монет на сельских поселениях Нижнего Побужья соответствующего времени не позволяет поддержать эту мысль. Поэтому мнение Карышковского, относящего поздние серии ольвийских ассов к дозопирионовскому периоду¹⁸⁷, представляется более реальным. Действительно, находки указанных монет в слоях поселений первых двух третей IV в. до н. э. нередки, тогда как на раннеэллинистических памятниках они полностью отсутствуют.

На поселениях и усадьбах VII этапа истории хоры встречаются в основном борисфены и лишь изредка попадаются мелкие монеты с Деметрой и стрелком. По Карышковскому, время выпуска борисфенов охватывает период примерно с 330 по 250-е годы до н. э.¹⁸⁸, в то время как Анохин определяет период их эмиссии всего в 16 лет, высказывая предположение, что она осуществлялась частными лицами на основе откупной системы, при этом члены коллегии откупщиков ставили на монетах сокращения своих имен одновременно в течение одного и того же года¹⁸⁹. Не останавливаясь здесь подробно на всей системе доказательств Анохина, которая требует более подробного рассмотрения, отметим лишь, что те археологические памятники хоры, на которых в большом количестве найдены борисфены¹⁹⁰, существовали примерно около 80 лет, т. е. период

¹⁸⁵ Не может не вызывать недоумения заявление С. Я. Ольговского о том, что анэпиграфные дельфинчики выпускались позднее, чем таковые с надписями, что противоречит археологическим данным. Тем более, из публикации не ясно, каковы различия в химическом составе тех и других монет и каковы датирующие критерии (см. *Ольговский С. Я.* Цветной металл с Березани. — СА, 1980, № 4, с. 190—201).

¹⁸⁶ *Зограф.* Античные монеты, с. 124.

¹⁸⁷ *Карышковский.* Монетное дело..., с. 12.

¹⁸⁸ *Он же.* Ольвийские «борисфены», с. 76.

¹⁸⁹ *Анохин.* Ук. соч., с. 25 сл.

¹⁹⁰ В самое последнее время поступили сообщения о новых находках борисфенов на территории хоры. Один из них с сокращением ΣΓΜ обнаружен на усадьбе № 3

жизни усадеб и поселений совпадает со временем выпуска борисфенов, предлагаемым Карышковым. Вместе с тем это обстоятельство заставляет отказаться от датировки Анохина, так как трудно себе представить, чтобы на 80-летний период наивысшего расцвета полиса и апогея в развитии товарно-денежных отношений на хоре, когда внутривойсковой рынок постоянно требовал новых поступлений меди, приходилось всего 16 лет чекана разменных монет.

Таким образом, на основании рассмотренных материалов периодизация денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени может быть представлена в следующем виде (рис. 9).

I этап (первая половина VI в. до н. э.). Обращение литых бронзовых монет-стрелок. Территория их циркуляции сравнительно невелика — береговая полоса от низовьев Березанского лимана до устья Бугского.

II этап (вторая половина VI — первые две трети V в. до н. э.). Обращение литых бронзовых аэпиграфных дельфинчиков. В конце этапа на денежный рынок поступают дельфинчики с надписью АΡΙΧΟ. Интенсивность обращения монет значительно возрастает — в это время отмечены не единичные находки, а сотни экземпляров. Ареал циркуляции также заметно увеличивается, охватывая всю территорию Нижнего Побужья.

III этап (последняя треть V в. до н. э.). На территории хоры денежное обращение затухает, и ареал его сужается до пределов городских центров — Ольвии и Березани.

IV этап (первые две трети IV в. до н. э.). Характерно совместное обращение литых и чеканенных монет. Ареал циркуляции указанных денежных знаков охватывает не только территорию Нижнего Побужья, но и северное побережье Одесского залива.

V этап (последняя треть IV — первая половина III в. до н. э.). В это время полностью вытеснена из обращения литая монета. Территория обращения борисфенов и монет типа: Деметра в согона *mutalis*/колелопреклоненный лучник остается прежней, но интенсивность циркуляции заметно возрастает. Находки монет этого периода наиболее многочисленны, что хорошо согласуется с наивысшим расцветом хоры (VII этап), известным по другим источникам.

VI этап (вторая половина III — первая половина II в. до н. э.). Территория и интенсивность обращения монет в это время резко сокращаются, следствием чего стал полный упадок денежного обращения на территории ольвийской хоры. На последнем этапе истории догетской хоры Ольвии, когда ее жители имели возможность вести обработку земли лишь вблизи городских стен, денежное обращение полностью сосредоточилось в городе.

Представленная здесь картина денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени позволяет сделать заключение, что появление первых денежных знаков в Нижнем Побужье в виде литых бронзовых стреловидных монет вызвано потребностями внутреннего рынка, сложившегося в результате раннего развития многоотраслевой экономики. Дальнейший рост денежного обращения в виде многочисленных серий бронзовых дельфинчиков являлся следствием не только повышения уровня товарного производства, но и значительного расширения географических рамок внутривойскового рынка, достигшего в период поздней архаики и ранней классики своего максимума в первой половине V в. до н. э. В последней трети столетия внутренний рынок сузился до пределов городских центров Нижнего Побужья вследствие, скорее всего, разного рода внешне- и внутривойсковых причин.

в урочище Дидова Хата и девять монет этого типа найдены жителем с. Кателино Л. В. Павленко на усадьбе № 1 у Чертоватой балки.

гг. до н. э.	Периодизация денежного обращения	Периодизация истории хоры
0	VII этап	IX этап
50		
100		
150	VI этап монеты серий ОI ЕПТА и ВЗЕЕ	VIII этап
200		
250	V этап борисфены, монеты с Деметрой в согона muralis	VII этап
300		
350	IV этап монеты с Деметрой и орлом на дельфине, ассы	VI этап
400	III этап	V этап
450		
500	II этап анэпиграфные дельфины, в конце этапа — с надписью АΡΙΧΟ	IV этап
550		III этап
600	I этап монеты — стрелки	II этап
650		I этап

Рис. 9. Периодизация денежного обращения на сельской территории Борисфениды и Ольвии догетского времени

Последующее оживление денежного обращения на хоре Ольвии приходится на начало IV в. до н. э. При этом по сравнению с прежней территорией географические пределы циркуляции ольвийских денег значительно раздвигаются. Наибольшего расцвета товарно-денежные отношения на хоре Ольвии достигли в период раннего эллинизма. Их резкий упадок и полное затухание вызваны внешнеполитическими причинами.

Таким образом, в истории денежного обращения на сельских поселениях Нижнего Побужья существенную роль играл не только экономический, но и политический фактор.

Нельзя не заметить, что основные этапы монетной циркуляции по характеру поступательного развития и кризисным явлениям полностью соответствуют основным этапам истории хоры, выявленным на основании других категорий источников. С одной стороны, в таком совпадении нельзя не усмотреть подтверждения справедливости той и другой периодизации, с другой же — такая взаимодополняемость позволяет глубже понять различные аспекты истории сельского населения Нижнего Побужья догетского времени.

Наконец, исследование нумизматики сельских территорий античных полисов имеет еще один важный исторический аспект. Как известно, бронзовая монета в греческих государствах была платежным средством на внутреннем рынке¹⁹¹. Уже сам этот факт предполагает, что преобладание бронзовых монет какого-либо города на определенном пространстве очерчивает ареал его территориальных владений. Что касается непосредственно Ольвии, то здесь имеется уже неоднократно привлекавшийся в связи с этим вопросом¹⁹² эпиграфический документ¹⁹³, относящийся к IV в. до н. э.¹⁹⁴, в котором предписывается под угрозой суровых наказаний производить денежные расчеты на территории Ольвийского полиса только местными деньгами. Действительно, если обратиться к вышеописанной массе бронзовых монет из сельских поселений, нетрудно убедиться, что вся она состоит из местного литья или чекана. Исключение составляют лишь две монетки типа IΣT/колесо, найденные на поселениях в Лузановке¹⁹⁵ и Дидова Хата I¹⁹⁶, которые, естественно, общей картины не меняют. Поэтому, исходя из того факта, что медная монета служила денежным средством внутриволисного рынка, а также из данных декрета Каноба, следует полагать, что область безраздельного господства ольвийских денег представляла собой ареал внутреннего рынка и находилась под юрисдикцией Ольвии. Следовательно, картографирование монетных находок и их привязка к соответствующим синхронным группам археологических памятников весьма наглядно демонстрируют динамику развития сельской территории Борисфениды и Ольвии на протяжении догетского времени¹⁹⁷.

В заключение необходимо отметить, что, говоря о росте товарно-денежных отношений на сельских поселениях Нижнего Побужья, нельзя этот процесс абсолютизировать. Следует постоянно иметь в виду, что речь идет о сравнительной характеристике денежного обращения на той же территории в определенный период. В любом случае проникновение денег в экономику античного общества в городе происходило гораздо интенсивней, чем в деревне. Многие слои городского населения вообще не могли существовать без рынка, в то время как большинство продуктов первой необходимости в сельской местности производилось на месте, т. е. деревенское хозяйство было более замкнутым по сравнению с городским¹⁹⁸.

¹⁹¹ Davison W. I., Harper J. E. European Economic History. V. I. The Ancient World. N. Y., 1972, p. 120.

¹⁹² Рубан, Урсалов. Ук. соч., с. 87; Рубан В. В. Проблемы исторического развития ольвийской хоры IV — III вв. до н. э. — ВДИ, 1985, № 1, с. 31.

¹⁹³ IOSPE, I², № 24.13—16.

¹⁹⁴ Виноградов Ю. Г., Карышковский П. О. Декрет Каноба о деньгах и стоимости драгоценных металлов на Понте в IV в. до н. э. — ВДИ, 1976, № 4, с. 25—27.

¹⁹⁵ Загинайло. К вопросу об экономических связях..., с. 76.

¹⁹⁶ Рубан. Проблемы..., с. 31.

¹⁹⁷ Он же. Динамика территориальных границ Ольвийского полиса на протяжении догетского времени. — В кн.: Всесоюзная авторско-читательская конференция ВДИ по проблеме «Полис и хора. Проблемы экономики, политики и культуры». Тезисы докладов. М., 1978, с. 43—45.

¹⁹⁸ Кошелевко. Ук. соч., с. 230 сл.

Однако и сельские жители были в определенной степени зависимы от рынка, и с течением времени эта зависимость возрастала. Если обратиться к археологическим материалам Нижнего Побужья, то можно заметить, что начиная с архаического периода повсеместно на поселениях в большом количестве встречаются импортные гранитные (и даже мраморные) зернотерки, которые никак нельзя отнести к товарам, удовлетворяющим культурные запросы¹⁹⁹, так как без этого орудия труда немислимо приготовление многих продуктов питания, и в первую очередь хлеба. В эллинистический период наряду с простыми зернотерками на поселениях хоры появляются усовершенствованные и более дорогостоящие ручные мельницы, приобретение которых требовало больших денежных затрат. Другим примером подобного рода могут служить данные о металлургической промышленности на территории ольвийской хоры. На поселениях позднеархаического периода следы занятий этой отраслью ремесла нередки, вместе с тем они полностью отсутствуют на памятниках более позднего времени²⁰⁰. Это является свидетельством того, что к IV—III вв. до н. э. в Нижнем Побужье углубился процесс разделения труда, и эта отрасль ремесла сконцентрировалась в городе, а жители деревни должны были приобретать продукцию металлургического производства на городском рынке. Подобные примеры можно было бы продолжить, однако, как представляется, и приведенных вполне достаточно, чтобы убедиться в определенной зависимости сельского населения Нижнего Побужья от рынка, следствием чего стало проникновение денег в экономику хоры.

A HISTORY OF MONEY CIRCULATION IN THE RURAL TERRITORY OF BORYSTHENIS AND OLBIA

V. V. Ruban, V. N. Ursalov

The present work is the first attempt to study the circulation of money in the territory of an ancient polis *chora*. The chronology of the rural settlements makes it possible to verify the correctness of existing opinions about the monetary history of a Greek state on the lower reaches of the river Bug. A very ancient form of money in this region is the arrow-coin, whose emissions began in Borysthenis in about the second half of the 7th century B. C. and the beginning of the 6th, continuing in use throughout the first half. Bronze weights from Borysthenis with arrow coins depicted on them are regarded as evidence that there were magistrates on the island, who were along with the mint, transferred to Olbia in about the middle of the 6th century B. C. Making use of a great deal of fastural data, the authors drew up charts of synchronous coin groups (fig. 1—7) and worked out the periodization of money circulation in the territories of Borysthenis and Olbia of the pre-Getic period (fig. 8) in the following stages: I (first half of the 6th century) — the circulation of arrow coins; II (second half of 6th — first two thirds of 5th c.) — circulation of anepigraphic dolphins, at the end of the stage with inscription ΑΡΙΧΟ; III (last third of 5th c.) — the limiting of the internal polis market to the city centres; IV (first two thirds of 4th c.) — circulation of cast «asses» and coins struck with Demeter and eagle on a dolphin, also two small fractions; V (last third of 4th — first half of 3rd c.) — circulation of «Borysthens» and coins with Demeter in corona muralis; VI (second half of 3rd — first half of 2nd c.) — the fading out and extinction of money circulation in the *chora* (a few scattered finds of coins of the money series ΟΙ ΕΠΤΑ and ΒΣΕ). The early appearance of bronze coins is explained by the development of the internal market with the emergence of a complex economy in the lower Bug area. Charting the evolution of money circulation has also made it possible to cast a stronger light on periods of prosperity and adversity in the history of the Olbian state, resolve questions about the dynamics of its territorial boundaries and spacial development of the internal polis market and clarify the role of money — commodity relations in the economy of the rural population.

¹⁹⁹ Там же, с. 218 сл.

²⁰⁰ Рубан В. В. Литейная форма с поселения Козырка XV.— СА, 1979, № 3, с. 249—258.